

УДК 332.14

ББК 65.04

Регион: экономика и социология, 2012, № 3 (75), с. 19–33

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ФЕДЕРАЛЬНОГО И СУБФЕДЕРАЛЬНОГО УРОВНЕЙ: ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ

А.Н. Буфетова

*ИЭОПП СО РАН, Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

Аннотация

Обоснована целесообразность использования показателя динамики социального неравенства в качестве критерия конечной результативности региональной политики. Исследование сравнительной динамики социального и экономического неравенства регионов показало, что региональная политика федерального уровня результативна, но ее эффект концентрируется в региональных столицах, а региональная политика субфедерального уровня нерезультативна. Рассмотрены мероприятия региональной политики институционального направления, которые могут повысить результативность применения ортодоксальных мер региональной политики.

Ключевые слова: регион, региональные столицы, результативность региональной политики, неравномерность социального развития, институциональное направление региональной политики

Abstract

The paper proves that dynamics of social disparities could be reasonably applied as a criterion of effectiveness of any regional policy. Our comparative analysis of the dynamics of regional social and economic disparities shows that

the regional policy pursued by the federal government could be regarded effective, but only regional capitals benefit from it, while regional policies pursued by regional governments – ineffective. We discuss what institutional arrangements which could make traditional regional policies more effective.

Keywords: region, regional capitals, effectiveness of regional policy, disparities in social development, institutional arrangements of regional policy

Вопрос о способах оценки региональной политики обсуждается с момента, когда она начала осуществляться. В науке и практике используются различные критерии для оценки региональной политики (см., например, [1, 2]):

- обоснованность, т.е. соответствие заявленных целей проводимой политики потребностям территории;
- результативность, т.е. количественная и качественная характеристика достижения целей, объявленных при начале реализации политики;
- экономическая эффективность. Сравниваются затраты, связанные с проведением объявленной политики, с полученными результатами;
- полезность, т.е. степень, в какой реализуемые мероприятия политики соответствуют потребностям территории; и др.

В данной статье предлагается методика оценки результативности региональной политики на основе динамики социального неравенства. В пользу такого подхода можно привести ряд аргументов.

Во-первых, высокий уровень благосостояния и качества жизни населения – это главный конечный результат и одновременно одна из предпосылок экономического развития территории. Сегодня «невещественные» факторы: институциональный, человеческий, социальный, культурный капитал – являются основными для устойчивого развития территории. Человеческий капитал – важнейший из них. А высокие уровни благосостояния и качества жизни, социального развития увеличивают конкурентоспособность территории в формировании и привлечении высококачественного человеческого капитала. Поэтому важнейшей задачей региональной политики является, в конечном счете, сокращение социальной дифференциации.

Во-вторых, региональная политика возникла как инструмент решения именно социальных проблем отстающих регионов. Мировой опыт показывает, что достижение территориальной справедливости, территориальное выравнивание благосостояния населения в том или ином виде всегда являются одной из важнейших задач региональной политики. Проект Концепции совершенствования региональной политики в Российской Федерации на период до 2020 года [3] в качестве базовой задачи региональной политики определяет «сокращение различий социально-экономического состояния субъектов Федерации». В соответствии с этим документом основная цель региональной политики в Российской Федерации заключается в том, чтобы «обеспечивать сбалансированное социально-экономическое развитие регионов страны... способствуя росту благосостояния и качества жизни граждан России и сокращению различий между регионами по жизненному уровню». Одна из задач региональной политики – «снижение территориальных диспропорций в уровне и качестве жизни».

В-третьих, основным направлением современной российской региональной политики является межбюджетное выравнивание. Оно осуществляется главным образом ради решения социальных задач, поскольку решение целого ряда из них возложено именно на региональные и местные бюджеты. Масштабы выравнивания в существенной степени определяют возможности региональных и местных властей в финансировании социальной сферы.

Таким образом, главным конечным результатом региональной политики провозглашается сокращение социальной дифференциации территорий. Поэтому в качестве критерия конечной результативности региональной политики мы использовали соотношение темпов изменения неравномерности экономического и социального развития территории. Исследования показывают, что в результате бюджетных перераспределений дифференциация бюджетной обеспеченности в регионах сокращалась, и значительно быстрее, чем дифференциация экономических показателей [4]. Поэтому если региональная политика бюджетного выравнивания результативна, неравномерность социального развития должна сокращаться также быстрее, чем неравномерность экономического развития.

Для исследования динамики неравномерности социального развития использовались как отдельные социальные показатели регионов, так и сводные рейтинги, рассчитанные на основе совокупности этих показателей.

Оценка межрегиональной дифференциации социальных показателей проводилась с использованием показателя коэффициента вариации. Сводный рейтинг рассчитывался по формуле

$$\bar{\lambda}^r = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (\lambda_i^r)^2}{n}}, \bar{\lambda}^r \in [0; 1],$$

где:

$$\lambda_i^r - \text{частный рейтинг региона } r \text{ по показателю } i, \lambda_i^r = \frac{x_i^r - x_i^{\min}}{x_i^{\max} - x_i^{\min}},$$

$$\lambda_i^r \in [0; 1];$$

x_i^r – значение i -го показателя в регионе r (исходные показатели строились таким образом, чтобы они имели одностороннюю целевую направленность – чем больше, тем лучше);

$x_i^{\max}$ – максимальное значение i -го показателя в рассматриваемой совокупности регионов в исследуемый период;

$x_i^{\min}$ – минимальное значение i -го показателя в рассматриваемой совокупности регионов в исследуемый период;

n – число регионов.

Рассчитанные таким образом рейтинги являются сопоставимыми во времени и поэтому могут использоваться для исследования динамики социального развития и динамики его межрегиональной вариации (оценивалась на основе коэффициента вариации сводных рейтингов).

Для исследования выбирались показатели, публикуемые Федеральной службой государственной статистики в сборниках «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации» за 2000–2010 гг. для 79 регионов РФ и наиболее типичные для характеристики социального развития (табл. 1). Для построения рейтингов

Таблица 1

Показатели уровня социального развития регионов

Оцениваемая характеристика социального развития	Используемые показатели
Доходы населения	Отношение среднедушевых денежных доходов к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг; доля населения с денежными доходами выше прожиточного минимума
Занятость	Официальный уровень занятости, %
Жилищные условия	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1 жителя
Обеспеченность дорогостоящими предметами длительного пользования	Число собственных легковых автомобилей на 1000 чел.
Обеспеченность социальными услугами	Численность врачей на 10 тыс. чел.
Обеспеченность образовательными услугами	Численность студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования на 10 тыс. чел.
Обобщающий индикатор качества жизни	Ожидаемая продолжительность жизни

некоторые показатели преобразовывались таким образом, чтобы рост их значения соответствовал повышению уровня социального развития.

В рассмотренном периоде наблюдались рост всех выбранных социальных показателей и снижение межрегиональной вариации большинства из них. Значительно сократилась вариация показателей, характеризующих уровень благосостояния. Более всего – с 0,24 в 2000 г. до 0,056 в 2010 г. уменьшился коэффициент вариации доли населения с доходами выше прожиточного минимума. Если на начало периода коэффициент вариации этого показателя был самым высоким, то к концу он стал одним из самых низких. Средний ежегодный темп сокращения составил 13,5%. Это сопровождалось быстрым ростом минимального значения показателя более чем в 11 раз – с 5,7% в 2000 г. (Республика Ингушетия) до 62,7% в 2010 г. (Республика Калмыкия), что свидетельствует о сокращении уровня бедности. Так же значительно – на 40%

за период, или на 5,4% в среднем ежегодно, сокращается вариация среднедушевых доходов, отнесенных к стоимости фиксированного набора: с 0,35 в 2000 г. до 0,21 в 2010 г. Снижается, хотя и в меньшей степени, вариация и другого показателя уровня благосостояния – обеспеченности автомобилями. Коэффициент его вариации сокращается на 19,5% (2,2% ежегодно). А вот межрегиональная вариация обеспеченности населения жильем существенно не меняется в течение периода.

Дифференциация регионов по уровню обеспеченности образовательными услугами хотя и остается самой высокой по сравнению с другими показателями, но также сокращается (в среднем на 4% в год: с 0,455 в 2000 г. до 0,298 в 2010 г.).

Экономический рост усилил дифференциацию на рынках труда – коэффициент вариации уровня занятости возрос на 37,8%, хотя и остался самым небольшим по значению среди других показателей. Также увеличилась дифференциация регионов по обеспечению медицинскими услугами: коэффициент вариации повысился с 0,217 до 0,232.

Результирующий показатель качества жизни – ожидаемая продолжительность жизни уменьшилась с 64,8 года в среднем в 2000 г. до 64,4 года в 2005 г. и стал более дифференцированным (коэффициент вариации увеличился с 0,038 до 0,05 за тот же период). Среднее значение ожидаемой продолжительности жизни начало увеличиваться только с 2006 г. и к концу периода достигло 67,8 года. Одновременно стала снижаться и межрегиональная вариация, но к концу периода она все же превышала исходное значение (коэффициент вариации в 2010 г. равен 0,04).

Сводный рейтинг регионов, рассчитанный по перечисленным социальным показателям, в течение всего периода увеличивался (с 0,472 до 0,625), а его коэффициент вариации снижался. Причем при исключении крайних регионов (лидеров – городов Москва и Санкт-Петербург и аутсайдеров – Республики Ингушетии и Республики Тывы) снижение коэффициента вариации более ровное и более существенное (рис. 1).

С точки же зрения данного исследования важным является то, что среднегодовой темп сокращения вариации сводного рейтинга социальных показателей (2,5% для всех регионов и 3,6% при исключении лидеров и аутсайдеров) оказался выше, чем темп сокращения экономической дифференциации (в среднем вариация душевого ВВП снижалась на 1,5% в год при исключении трех регионов-лидеров [5]).

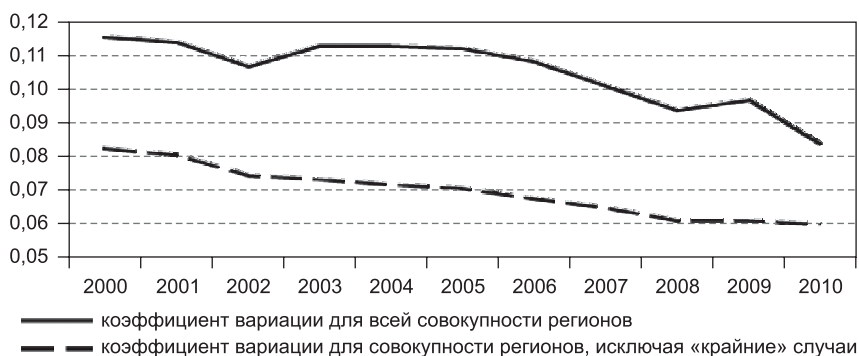

Рис. 1. Коэффициент вариации сводных рейтингов социального развития регионов

Так что на уровне регионов, в соответствии с выбранным в настоящем исследовании критерием, проводимая региональная политика результативна. Однако экономическое развитие территорий самих регионов весьма неоднородно, а потому следует выяснить, насколько далеко распространяется выравнивающий вектор региональной политики. Получателями межрегиональных трансфертов являются регионы, которые, в свою очередь, осуществляют внутрирегиональное бюджетное выравнивание. Исследования показывают, что в результате такого выравнивания дифференциация бюджетной обеспеченности муниципалитетов сокращается [6].

Для оценки результативности субфедеральной политики выравнивания обратимся к динамике социальных показателей и сводных рейтингов, рассчитанных по той же методике для региональных столиц, крупных (с населением более 250 тыс. чел.) и средних (с населением от 100 до 250 тыс. чел.) городов. В качестве источника информации воспользуемся доступными данными ФСГС из статсборников «Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов». К сожалению, в этих сборниках для городов не представлен такой же широкий набор показателей, как для регионов, поэтому были рассмотрены показатели, приведенные в табл. 2. В анализируемом периоде большинство рассмотренных показателей увеличивалось.

Концентрация сферы услуг, а также жилищного строительства в региональных столицах привела к тому, что оборот розничной тор-

Показатели уровня социального развития городов

Оцениваемая характеристика социального развития	Используемые показатели
Доходы населения	Отношение оборота розничной торговли на душу населения* к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг
Занятость	Официальный уровень занятости, %
Жилищные условия	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1 жителя
Обеспеченность социальными услугами	Численность врачей на 10 тыс. чел.
Обеспеченность образовательными услугами	Число учащихся общеобразовательных учреждений на 1000 чел.
Обобщающий индикатор уровня социального развития	Естественный прирост на 1000 чел.; темпы роста населения (к предыдущему году)

* Показатель оборота розничной торговли в определенной степени отражает уровень достатка населения, его склонность и возможность тратить деньги, и потому он используется для косвенной оценки уровня доходов населения, информация о котором в разрезе городов отсутствует. При этом надо иметь в виду, что для региональных столиц этот показатель завышает уровень достатка населения за счет ввоза им денег с периферии.

говли и обеспеченность жильем в них растут быстрыми темпами, несмотря на более благоприятную динамику численности населения в этих городах, что приводит к увеличению разрыва по этим показателям между региональными столицами и остальными городами. Так, если на начало периода средняя обеспеченность жильем во всех группах городов была примерно на одном уровне (18,05–18,6 кв. м на 1 чел.), то к концу периода в региональных столицах она составила 21,9 против 20,6 и 21,2 кв. м на 1 чел. в крупных и средних городах соответственно. При этом нужно учитывать, что в средних городах показатель рос в значительной степени за счет сокращения населения. Оборот розничной торговли в региональных столицах к 2006 г. превосходил аналогичный показатель в других городах в 3 раза, но к концу периода произошло некоторое сокращение разрыва – до 2,8 раза.

Неблагоприятная ситуация наблюдалась в сфере здравоохранения. Численность врачей на 10 тыс. чел. населения увеличивалась только в региональных столицах – в среднем на 1,3% в год, т.е. на 12% за период. В других городах происходило сокращение показателя: на 8,8% в крупных и на 7,2% в средних городах за весь период. Разрыв по этому показателю между региональными столицами и крупными городами увеличился с 1,68 до 2,06 раза, между региональными столицами и средними городами – с 1,72 до 2,08 раза.

Незначительно различие между группами городов по уровню занятости и численности обучающихся в образовательных учреждениях. Уровень занятости увеличивался во всех группах городов и составил к концу периода 97,8% в среднем в региональных столицах, 97,3% – в крупных и 96,8% – в средних городах. Среднее значение численности учащихся в среднеобразовательных учреждениях снижалось во всех группах городов, дифференциация этого показателя также уменьшилась, и к концу периода значения показателя в группах почти сравнялись.

Интегрирующие показатели уровня и динамики социального развития: естественный прирост и темпы роста численности населения – свидетельствуют об очевидных и нарастающих преимуществах региональных столиц в первую очередь и крупных городов – во вторую. Естественная убыль населения сократилась за рассмотренный период на порядок, однако осталась наибольшей в средних городах и наименьшей – в региональных столицах (табл. 3). Темпы прироста численности населения сменились с отрицательных на положительные только в региональных столицах и крупных городах в результате миграции населения. В средних городах старение и сокращение численности населения продолжают.

Таким образом, в течение всего периода крупные города и региональные столицы наращивали свое превосходство над средними городами по большинству рассмотренных показателей. Соответственно и сводные рейтинги социального развития региональных столиц превышают рейтинги остальных городов. Более того, преимущество столичного статуса настолько значительно, что такое превышение наблюдается даже в тех регионах, где экономический потенциал столицы несколько уступает потенциалу другого крупного города – конкурирующего центра (Самарская и Кемеровская области). Следовательно

Таблица 3

Естественный прирост и темпы роста численности населения в группах городов (средние значения)

Группа городов	Годовые темпы роста (снижения) населения, % к пред. году		Естественный прирост (убыль) на 1000 чел. нас., %	
	2000	2010	2000	2010
Региональные столицы	99,6	100,2	-4,5	-0,11
Крупные города	99,7	100,05	-4,0	-0,33
Средние города	99,5	99,6	-4,8	-0,98

но, столичный статус является более важным фактором социального развития, чем уровень экономического развития, в том числе и потому, что обеспечивает доступ к ресурсам, поступающим из федерального центра, – бюджетным трансфертам.

Столичный статус обеспечивает не только более высокий уровень социального развития, но и более благоприятную его динамику. В первой половине рассмотренного периода сводные рейтинги социального развития во всех группах городов снижаются (основная причина – ухудшение в сфере здравоохранения, а также ухудшение динамики численности населения). Но это снижение заметно меньше в региональных столицах и крупных городах. Рост рейтингов начинается с 2006 г. в региональных столицах и крупных городах и на год позднее – в средних городах. В крупных городах и региональных столицах сводные рейтинги к концу периода превышают исходные значения, причем в региональных столицах это превышение значительнее, тогда как в средних городах исходные значения даже не восстанавливаются (рис. 2).

Нарастающий отрыв региональных столиц от остальных городов по социальным показателям – не только средняя, но и территориально распространенная тенденция. Отставание рейтингов крупных городов от сводных рейтингов региональных столиц увеличивается в 10 регионах из 14, в которых есть крупные города – не столицы. Кроме того, в 26 из 32 регионов, где наряду со столицей имеются только средние города, также происходит усиление отставания их сводных рейтингов от рейтингов региональных столиц.

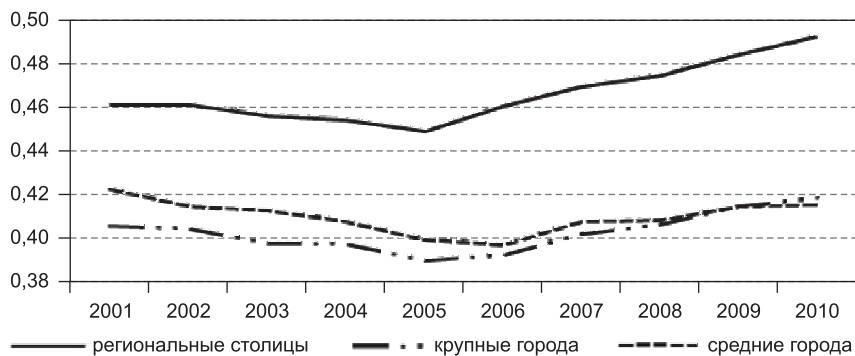

Рис. 2. Средние значения сводных рейтингов групп городов

Столичный статус не только обеспечивает более благоприятную и стабильную динамику социального развития города, но и делает ее более универсальной: вариация сводных рейтингов у региональных столиц заметно ниже, чем у других групп городов и существенно не меняется, в то время как в группах крупных и средних городов снижение сводного рейтинга сопровождается сокращением его вариации, а рост происходит на фоне ее усиления.

Если учесть, что с середины первого десятилетия XXI в. различия в уровне экономического развития региональных столиц и других городов начали незначительно сокращаться [7], то можно сделать вывод, что результаты федеральной региональной политики концентрируются на уровне региональных столиц, внутрирегиональное межбюджетное выравнивание не уменьшает социальной дифференциации внутри региона (возможно, замедляет ее рост), региональная политика субфедерального уровня нерезультативна.

Одна из причин отсутствия видимого результата – сложившаяся сверхцентрализация финансовых ресурсов на федеральном уровне, вследствие чего регионы и муниципалитеты, с одной стороны, не имеют достаточных ресурсов для развития экономической и социальной сферы, а с другой – не мотивированы на наращивание и эффективное использование налогового потенциала. Поэтому экспертное и научное сообщество выступает за изменение бюджетного законодательства, а проект Концепции совершенствования региональной политики

предлагает в качестве стратегической цели рассматривать «постепенное создание гарантий финансовой самостоятельности как субъектов Федерации, так и муниципальных образований» [3].

Однако существуют и другие, менее затратные мероприятия, также способствующие социально-экономическому развитию территорий и повышающие эффективность и результативность региональной политики. Речь идет о мероприятиях институционального направления региональной политики, которое, в отличие от ортодоксального, предполагает, что экономика региона не является просто набором отдельных рынков и фирм, движимых рациональными предпочтениями. Институциональное направление региональной политики ориентировано не на отдельные фирмы, а на формирование, развитие и усиление социальных сетей, обеспечение разнообразия институциональной базы, создание человеческого, социального и культурного капитала. Это «невещественные» факторы развития, которые определяют эффективность использования «вещественных» факторов, экономического потенциала и потому являются условием результативности политики социально-экономического развития территории. Институциональное направление предполагает, что в ряде случаев для отсталых территорий эти мероприятия более важны, чем стандартный ортодоксальный набор мер по социально-экономическому развитию территорий (создание инфраструктуры, привлечение на территорию предприятий и проч.), поскольку такие меры дают слабый и неустойчивый эффект либо вообще оказываются нерезультативными для отсталых территорий.

Несмотря на сравнительно невысокую затратность мероприятий по развитию «невещественных факторов» и доказанную мировой и российской практикой их эффективность, они пока не получили систематической поддержки со стороны региональных властей, за исключением тех, которые дают результат в сравнительно короткой перспективе. Более всего усилий направляется на развитие человеческого капитала: все схемы территориального развития регионов включают планы строительства элементов социальной инфраструктуры, во всех регионах существуют программы поддержки и развития малого бизнеса, рассматривающие как финансовые стимулы, так и информационное обеспечение. Последнее направление политики представляется важным, так как развитие малого бизнеса способствует не только росту занятос-

ти и сокращению имущественного неравенства, но и, что особенно важно для отсталых территорий, развитию человеческого капитала начинающих предпринимателей и снижению социальной эксклюзии. Развитие предпринимательской активности населения и человеческого капитала предпринимателей путем создания школ предпринимателей, консалтинговых центров, систем финансирования, формирование культуры социальной инклюзии способствуют росту экономической креативности, позволяя различным социальным группам и индивидам реализовать свой потенциал. В результате повышаются «обучаемость» территории, ее адаптивные возможности и обеспечивается рост ее конкурентоспособности. Поскольку муниципалитеты не всегда располагают достаточными ресурсами и, главное, квалифицированными специалистами для реализации подобных мероприятий, создание таких школ предпринимателей и других информационных центров и обеспечение их доступности для жителей отсталых территорий должны быть в центре внимания региональных властей.

Не менее важна и работа с предпринимателями, которые уже имеют бизнес на данной территории. Поддержка существующего бизнеса целесообразна как минимум по двум причинам. Во-первых, поскольку уже существующий бизнес имеет устоявшиеся связи на территории, нужно учитывать мультипликативный эффект, который вызовут его сокращение или ликвидация. При привлечении нового бизнеса его связи с этой территорией, как и мультипликативный эффект для ее экономики, будут формироваться с течением времени. Во-вторых, практика показывает, что более половины (например, в США – до 85% [8]) создающихся в течение года новых рабочих мест – результат расширения уже существующих предприятий.

Для сохранения и развития уже существующего бизнеса местные администрации должны быть в курсе его основных проблем и потребностей и способствовать решению этих проблем и удовлетворению этих потребностей. В российских регионах общение бизнеса и власти носит неформальный характер: обязательные, но не закрепленные ни одним законодательным актом переговоры с губернатором об условиях входа в регион или доклад главе местной администрации за чашкой чая о планах развития на территории его муниципалитета. Подоб-

ные неформальные правила характеризуются изменчивостью и отсутствием гарантий.

В развитых странах такие отношения чаще формализованы, обеспечением связи с местным бизнес-сообществом занимаются специальные подразделения или представители местной администрации (омбудсмены). Круг интересов омбудсменов широк – от оценки местного бизнес-климата, качества рабочей силы на рынке труда до потребности в поддержке территориальной экспансии фирм со стороны властей, проблем местного законодательства и т.д. Сбор информации о проблемах и потребностях бизнеса происходит в виде опросов, интервью, проводимых специалистами или подготовленными добровольцами. Полученная информация используется для формирования местной экономической политики и ее корректирования. Особое внимание уделяется помощи в расширении бизнеса, в том числе за пределы региона. Для этого организуется, в том числе с использованием услуг частных фирм, бесплатное или по невысоким ценам консультирование по широкому кругу вопросов: по развитию технологий, повышению квалификации, управлению персоналом, улучшению менеджмента, маркетинговому планированию и т.д. Именно такой нацеленности на помощь, развитие, в том числе на территориальную экспансию местного бизнеса, не хватает российским муниципальным властям. Хотя неумение и нежелание предпринимателей вывести бизнес за пределы родного города являются одной из причин слабого развития многих российских городов.

Развитие институциональной базы и обеспечение разнообразия социальных сетей в рамках институционального направления региональной политики считаются решающими факторами мобилизации внутреннего потенциала развития территории. Для устойчивого развития, повышения адаптивности и конкурентоспособности территории важно не только количество социальных сетей, но и характер отношений внутри них (уровень доверия, сотрудничества и кооперации), а также сила связи (слабые связи способствуют легкому переходу между сетями и таким образом ускоряют обучаемость, распространение знаний и опыта, повышают адаптивность).

Сегодня систематической работы по формированию социального и культурного капитала ни регионы, ни муниципалитеты не ведут.

Организации, работающие над решением проблемы вовлечения граждан в местное самоуправление (которая обостряется по мере уменьшения размеров населенного пункта) есть, и они имеют успешный опыт реализации гражданских образовательных программ, схем расширения участия населения в жизни общества. Но сегодня это пока немногочисленные примеры, остающиеся неизвестными большинству руководителей и специалистов муниципалитетов, хотя развитие человеческого, социального и культурного капитала для многих поселений является важнейшим, а для части – единственным фактором развития, без которого традиционные мероприятия, нацеленные на социально-экономическое развитие территории будут слаборезультативными или вообще нерезультативными.

Литература

1. **Михеева Н.Н., Ананьева Р.И.** Инструменты региональной политики: оценка эффективности использования // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 3. – С. 39–57.
2. **Săuțiuț L.S., Sărac I.P.** Evaluating the efficiency of local economic development policies // The Annals of the University of Oradea. Economic Sciences. – 2011. – V. 1, is. 1. – P. 131–136.
3. **Проект** Концепции совершенствования региональной политики в Российской Федерации на период до 2020 года. – URL: http://www.minregion.ru/activities/territorial_planning/ (дата обращения 29.01.2012).
4. **Коломак Е.А.** Межрегиональное неравенство в России: экономические и социальные аспекты // Пространственная экономика. – 2010. – № 1. – С. 26–35.
5. **Постникова Е.А., Шильцин Е.А.** Новейшие тенденции регионального развития России: некоторые фрагменты // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 3. – С. 67–86.
6. **Сумская Т.В.** Проблемы выравнивания бюджетной обеспеченности муниципалитетов // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 2. – С. 56–69.
7. **Буфетова А.Н.** Неравномерность пространственного развития: региональные центры и региональная периферия // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 4. – С. 55–68.
8. **Steven D., Haltiwanger J., Schuh S.** Job Creation and Destruction. – Cambridge: MIT Press, 1996. – 265 p.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 30.03.2012 г.

© Буфетова А.Н., 2012